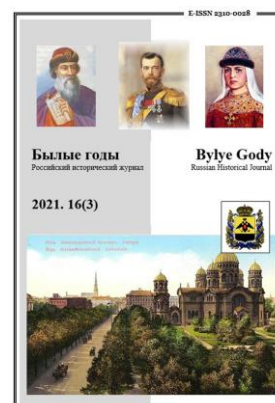

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1533-1541
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1533
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Idea of the "Unity of the Slavs" in Russian Propaganda during the First World War

Pavel V. Ulyanov ^{a, *}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The idea in propaganda occupies an important place and is often the main component of the information content of centralized and mass propaganda to attract attention from any audience. During the First World War, in many countries participating in the military conflict, propaganda was based on a specific idea, the postulates of which served as a management function in shaping the assessment and attitude of a wide audience to the "ally" and the "enemy", as well as in identifying their own role in the life of the country and activities a ruler or leader seeking to protect public and defend state interests, aimed at achieving understanding of them by the broad masses. Along with the ideas of the "commonwealth of nations" in Great Britain and "sacred unity" in France, the idea of "unity of the Slavs" in Russia served not only as a motivation, but also reflected the elements of uniting all the inhabitants of the country (Russia) with people living in neighboring states (for example, the Serbs). Researchers note in their works the important role of ideology in uniting people in the face of an "external threat", but do not pay attention to the specifics of the content of the idea of "unity of the Slavs" in the process of forming the "image of the enemy" in relation to the ruler, state and people of the "enemy country". In this regard, the author aims to consider the idea of "unity of the Slavs" in Russian propaganda in order to highlight its features. Since a person simultaneously lives in both the symbolic and the real world, where each person reacts to the perception of information, and not to reality, the author seeks to answer the question about the role of this idea in motivating the population to fight the "enemy". As a result of the study, it can be concluded that the idea of "Slavic unity" in Russian propaganda should have motivated Russians to fight against "external aggression" and served as a determinant of the "enemy object", and it also separated all "Slavic" from all "German" and even "Turkish" during the military conflict.

Keywords: the idea of the "unity of the Slavs", ideology in the Russian Empire, propaganda, propaganda of the "image of the enemy", propaganda in the Russian Empire, propaganda during the First World War, World War I.

1. Введение

В исторической науке наблюдается рост интереса к такому междисциплинарному направлению, как истории идей, особенно в рамках истории политических и правовых учений. Исторические события, содержащие различные интерпретации и отражающие разные стороны жизни, приводят к дискуссиям в научных кругах. Более того, под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов многие исторические события либо умалчиваются, либо искажаются, либо преподносятся в определенном контексте. Вместе с тем в современном российском обществе появилась тенденция к возрождению памяти о некоторых страницах истории страны. Одним из таких событий стала Первая мировая война.

В вооруженном конфликте мотивационная составляющая агитационной информации зачастую играет ключевую роль. Мотивация, которая выполняет функцию побуждения субъекта к борьбе с «вражеским объектом» и на психофизиологическом уровне координирует его поведение, во многом

* Corresponding author

E-mail addresses: imperialnext@mail.ru (P.V. Ulyanov)

зависит от того, какая идея лежит в основе преподносимой информации. Для оказания воздействия на человеческое сознание субъект пропаганды нередко ставит задачу мотивировать аудиторию на противостояние, объясняя при этом, чем «чужой» отличается от «своего». Самым значимым мотивационным средством можно назвать «идею единства». Мало того, что ее можно использовать как ресурс «мягкой силы» или «мягкого воздействия», опираясь на концепцию американского исследователя Дж. Ная (Nye, 2004: 192), с целью создания привлекательного образа, так еще и в качестве идеологического средства.

Во время Первой мировой войны во многих странах Европы имела место определенная идея для объединения всех жителей внутри государства перед лицом «внешней опасности» для выживания в экстремальных условиях, вызванных военно-политической обстановкой. Так, в британской пропаганде отражалась идея «содружества наций», согласно которой жители Великобритании и ее морских владений отождествляли себя с британскими подданными. Во Франции центральное место заняла идея «священного единения» всех французов с народами Европы в борьбе с «агрессором», которым прежде всего была Германия. Для пробуждения у массовой аудитории ура-патриотических чувств на психофизиологическом уровне и побуждения людей к применению физической силы к «врагу» требовалось грамотно сформулированное убеждение в необходимости проявления агрессии. В России подобную функцию выполняла собственная, отраженная в пропаганде идея, а именно идея «единства славян».

Ее особенность заключалась в том, что в ней отражались признаки этнической (национальной), религиозной и территориальной идентичности. Она актуализировалась в последней трети XIX – начале XX веков за счет активно проводимой внешней политики Российской империи. С одной стороны, идея «единства славян» была связана с борьбой славянских народов против Османской империи и Австро-Венгрии. С другой стороны, благодаря взглядам общества славянофилов и внешней политике оказания поддержки народам Балканского полуострова, несмотря на снижение популярности идеологии «панславизма», Российская империя в лице царского правительства не отказывалась от данной идеи.

В данной статье автор, рассматривая развитие идеи «единства славян» в российской пропаганде на протяжении Первой мировой войны (до событий Февральской революции), ставит цель выделить особенности этой идеи и определить ее роль в российском обществе и специфику.

2. Материалы и методы

В качестве основного метода исследования автор статьи применяет традиционный анализ исторических источников, отражающих наличие или упоминание о продвижении в массы идеи «единства славян». В качестве основных материалов, на основании которых будут сделаны выводы по поставленной проблеме, используются законодательные акты (царские манифесты), материалы агитационной направленности (плакаты и карикатуры, листовки и прокламации), периодическая печать (журналы) и источники личного происхождения (мемуары и дневниковые записи).

Законодательные акты представлены двумя манифестами, изданными царским правительством накануне Первой мировой, об объявлении войны Австро-Венгрии и Германии. Очень важные документы того времени отражают мотивацию и суть предстоящего вооруженного конфликта. Авторы-составители хотели не просто призвать население империи к борьбе с «врагом», но и объяснить значимость этой борьбы, особенно тем, что фактической «жертвой» Германии и Австро-Венгрии воспринималась Сербия.

Материалы агитационной направленности представлены визуальными средствами пропаганды – плакатами и карикатурами, опубликованными в сборнике «Великая европейская война» ([Великая европейская война, 2014](#)). Яркие картинки и краткие слоганы к ним отражают определенную авторскую мысль. Большой интерес представляет печатная продукция, а именно листовки и прокламации на русском языке из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Некоторые агитационные материалы содержат отсылки и даже основаны на идее «единства славян», так как в их текстах идет явное противопоставление по принципу «мы» – «они».

Периодическая печать (в основном это журналы) также подвергалась анализу. Особенность распространявшейся среди образованного населения России периодики заключалась в том, что большая часть информации печаталась под влиянием или в русле государственной точки зрения на внешнюю политику, проводимую царским правительством. Среди периодики следует отметить важность российского образовательного журнала «Русская школа» ([Русская школа, 1914](#)) и детского журнала «Родник» ([Родник, 1915](#)).

Источники личного происхождения включают мемуарную литературу и дневниковые записи. Конечно, в данных материалах присутствует личная оценка исторического события, принадлежащая конкретному автору и зачастую отражающая его восприятие субъекта действия. Но не следует забывать о контексте эпохи и предвзятом мнении автора произведения. Среди участников Первой мировой войны, труды которых используются в статье, можно выделить российского историка и сотрудника Ставки Верховного Главнокомандования М.К. Лемке ([Лемке, 1989: 388-403](#)), российского

офицера А.А. Брусилова (Брусилов, 2013), военного ученого в звании генерал-лейтенанта Н.Н. Головина (Головин, 2001) и командира казачьего корпуса в звании полковника Ф.И. Елисеева (Елисеев, 2001).

В основе методологии исследования лежит принцип историзма, в соответствии с которым проблема отражения в пропаганде идеи «единства славян» в контексте мотивации собственного населения и солдат на борьбу с «агрессором» в Российской империи во время Первой мировой войны изучается с использованием традиционного анализа исторических источников, о котором речь шла выше, и историко-генетического метода, позволяющего проследить развитие обозначенной идеи на примере российского опыта пропаганды в начале XX века.

3. Обсуждение

Об идее «единства славян» написано немного работ, причем зачастую, если исследователи и затрагивают в них данную проблему, то она упоминается либо в контексте определенной проблемы, либо есть некоторые намеки на ее развитие в российском обществе накануне и во время Первой мировой войны. В зарубежной историографии можно выделить работы британских историков И. Бэккета (Beckett, 2006), М. Гилберта (Гилберт, 2014), Дж. Кигана (Keegan, 2014) и Н. Стоуна (Стон, 2010). Не затрагивая в целом данную проблему, эти исследователи все же подчеркивают некие ее признаки в российском обществе в сравнительно-историческом аспекте, чтобы выделить отличия от царившей обстановки в Великобритании и Франции. Во французской историографии также есть сложности с выявлением каких-либо оценок данной идеи, однако французские исследователи Ж.-Ж. Беккер (Беккер, 2006) и С. Монтан (Montant, 1990: 154-163) отмечают наличие ее признаков, подчеркивая своеобразную обстановку в Российской империи, чем делают небольшие попытки сделать сравнительный анализ. В немецкой историографии, в которой проблемы национализма нередко поднимаются авторами с целью понимания причин и предпосылок его возникновения, также сложно выявить какие-либо черты идеи «единства славян». Можно, конечно, отметить здесь исследование историка С. Мюллера (Müller, 2002), но даже в нем проявляется свойственная зарубежной историографии тенденция. Рассмотрев зарубежную историографию, следует обратить внимание на то, что в процессе поиска научных работ обнаружить более целостный и комплексный подход к изучению идеи «единства славян» в российской пропаганде было очень сложно.

В российской историографии ситуация с изучением обозначенной проблемы неоднозначная и связано это с подходами к изучению Первой мировой войны. Так, в советской историографии данной проблеме особого внимания не уделяли, несмотря на ее значимость в вопросе о происхождении Первой мировой войны, особенно в рамках геополитической и национальной гипотез. Национальный фактор в дипломатии Российской империи проявлялся в том плане, что царское правительство стремилось во внешней политике распространить свое влияние на Балканах, ослабить в этом регионе позиции Австро-Венгрии и даже «больного человека Европы», то есть Османской империи. Вдобавок развивавшаяся, но в то же время терявшая свою актуальность в конце XIX века идеология «панславизма» оставила свой след в российской внешнеполитической концепции. Этот аспект изучаемой проблемы можно найти в трудах советских историков М.Э. Айрапетяна, П.Ф. Кабанова (Айрапетян, Кабанов, 1964) и Н.Ф. Нотовича (Нотович, 1947). Во многом данной проблемы не касались из-за господства в советской исторической науке методологического монизма. И все же на основании указанных работ можно констатировать влияние этой идеи, так как она во многом была идеологическим фактором в австро-российском противостоянии на Балканах, произошедшем во время событий Боснийского кризиса 1908 года.

В современной российской историографии значимость данной проблемы проявляется в том, что в рамках междисциплинарного подхода к изучению роли идей и взглядов в истории России создается множество трудов. Из большого количества работ, посвященных Первой мировой войне, в которых упоминаются распространяемые в средствах пропаганды идеи «единства славян», можно выделить работы российских историков А.Б. Асташова (Асташов, 2012), В.Б. Миронова (Миронов, 2014) и Е.С. Сенявской (Сенявская, 2006). В них выделяются такие моменты, которые затрагивают идейную составляющую российской пропаганды, а именно ее идейную основу, которую закладывали в содержание материалов агитационной направленности, чтобы донести до простых россиян значение войны для России. И тем не менее в процессе поиска научной литературы по поставленной проблеме возникли трудности в обнаружении целостного и комплексного подхода к изучению идейного и идеологического аспектов пропаганды как систематической деятельности, чтобы ответить на вопрос о значимости идеи «единства славян» в российской пропаганде «образа врага» по отношению к странам Центральных держав (кроме Болгарии). Таким образом, в процессе изучения историографии работ, отвечающих на поставленный вопрос, не было выявлено.

4. Результаты

Если обращаться к российскому опыту пропаганды, то следует указать на актуальность идеи «единства славян» во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, после чего она сохранила свою значимость в последующих внешнеполитических событиях. Опираясь на эту идею, царское

правительство активно оказывало поддержку балканским народам в отстаивании своей независимости, что вылилось в конфронтацию на региональном уровне с Австро-Венгрией и даже с Германией во время Боснийского кризиса 1908 года (Ульянов, 2015: 164-166). Однако до открытого вооруженного конфликта дело не дошло из-за высокой роли дипломатии и благодаря дипломатическому отступлению России. Поскольку начало Первой мировой войны положил именно Июльский кризис 1914 года, то Россия решительно встала на защиту Сербии, чем привлекла внимание со стороны Германии, являвшейся тогда союзником Австро-Венгрии. Так, в своем манифесте российский царь Николай II объявил о начале войны с Австро-Венгрией, мотивировав это желанием защитить «дружественных» сербов от «агрессора» (Высочайший..., 2002: 92). После известия об объявлении Германией войны России Николай II в «агрессоры» «записал» и Германскую империю, которую также обозначил нападающей на «славянские народы» (Высочайший..., 2002: 100). Следовательно, уже в начале вооруженного конфликта были определены «враг» и «жертва» для объяснения народу сложившейся внешнеполитической ситуации, поэтому в пропаганде ставилась задача сплочения «братьев-славян» под эгидой России для отражения нападения (Дмитриев, 2001: 123).

Вдобавок немецкая провокация в Черном море, связанная с крейсерами «Гебен» и «Бреслау», оказала влияние на российскую общественность. Так, император России Николай II выступил 2 ноября 1914 года с еще одним манифестом. В результате произнесенной царем речи Османская империя стала восприниматься в обществе «агрессором» и в некоторой степени противником, желавшим вернуть владычество над славянами (Палеолог, 2014: 380). Однако это только подразумевалось как очередной российско-турецкий конфликт на Кавказе. Главная цель правителя страны, то есть российского царя, заключалась в объединении людей с «союзниками» перед лицом «внешней угрозы» и обособлении от «вражеских стран». В качестве яркого примера обособления от Германии и всего немецкого обычно приводится факт переименования столицы России с германского варианта «Санкт-Петербург» на русский манер в «Петроград» (Ян, 2007: 387-388). После данного события началась кампания, проводимая с целью ликвидировать «немецкое засилье» в торговле и промышленной сфере деятельности, о чем написано в статье советского исследователя В.С. Дякина (Дякин, 1968: 227). Отчасти здесь есть влияние идеи «единства славян», но только в качестве инструмента давления, что, в свою очередь, следует рассматривать в качестве исторической предпосылки погромов принадлежавших немцам фирм и магазинов и проявления антинемецких настроений на территории страны во время войны.

Вступление в войну явилось желанием царского правительства защитить право на существование «единокровного» и «единоверного» сербского народа, как писал российский офицер Н.Н. Головин, не из-за влияния «панславизма», а из-за сочувствия к «младшему брату» (Головин, 2001: 292). Можно предположить, что идею «единства славян» продвигали в массы. Несмотря на ее значимость в оказании влияния на умы простых россиян, по вопросу о ее реальном влиянии сомнение высказал в мемуарах российский военачальник А.А. Брусилов, как и о воздействии самой пропаганды на не представлявших с кем воевать россиян (Брусилов, 2013: 74-75).

И все же влияние идеи «единства славян» имело место в результате активно проводимых массовых агитационных кампаний в вооруженных силах Российской империи. Так, в предназначенной для распространения среди солдат России листовке за авторством протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского данная идея была отражена в упоминании о единстве Сербии и Святой Руси в борьбе с Германией, в связи с чем шел призыв «постоять за Веру, Царя и Родину» (РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 724. Л. 318; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 68-68 об; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 724. Л. 317). Данный документ датирован январем 1915 года. С учетом отраженных в листовках антинемецких тезисов, характеризующих «врага» как жестокого, злобного и коварного, активно шел призыв к русским «чудо-богатырям» бороться с немцем, чтобы отвоевать у него безмятежный мир и «волю от немецкого ига» «братьям славянам» (РГВИА Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3855. Л. 111). Разумеется, такие и подобные им призывы, иногда в завуалированном виде, отражались в российских листовках, предназначенных для распространения среди россиян и многих других народов, особенно среди поляков. Возможно, российское командование предвидело события «Великого отступления» российской армии, произошедшие отчасти из-за слабого влияния пропагандистской информации (Миронов, Сенявская, 2002: 522-523).

Кроме того, царское правительство поддерживало идею распространения листовок и прокламаций на территориях «вражеских государств». Так, в имеющей множество исправлений рукописной листовке, адресованной народам Австро-Венгрии, говорится о том, что Россия вступила в войну «в защиту единокровных славян и их прав и достоинства» (АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 437. Л. 8-9). При этом в листовке, с одной стороны, идет пояснение народам Австро-Венгерской империи о защитнических действиях России, а с другой – славянские народы «лоскутной» и многонациональной державы призывали встать под знамена «Великого Белого Царя» и объединиться «в одно целое Славянство». Именно такие вот тезисы о «единстве славян» свидетельствуют о проведении, пусть и малоэффективной, по мнению некоторых российских исследователей, «прославянской» пропаганды.

Помимо листовок, влияние на образованную часть населения России оказывала периодическая печать. Так, в журнале «Родник» была опубликована статья, в которой шла речь о предполагаемой «германизации» польского народа (Родник, 1915: 52). А еще в процессе актуализации «сербского сюжета» в российском обществе в средствах пропаганды зачастую приписывались Германии черты «врага всего славянства», из-за чего «враг» становился понятным и узнаваемым (Русская школа, 2014: 130). Это в свою очередь побуждало сотрудников центрального органа по осуществлению пропаганды Генерал-квартирмейстера Генерального штаба в большом количестве печатать агитационно-пропагандистские материалы для проведения широкомасштабной пропаганды на территории той же Польши, большей частью входившей в состав Российской империи. Но в Польше распространялись противоположные идеи. Так, в своих листовках польский Союз организации независимости был настроен против России и призывал соотечественников не поддерживать «тюремщиков» (российские войска) (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 4132. Л. 37-38). Именно поэтому российская пропаганда отличалась малоэффективностью и практически была безрезультативной.

Необходимо отметить, что идея «единства славян», которая была значимой во время русско-турецких войн, особенно в войне 1877–1878 годов, сохранилась в традиционном и неизменном виде. Однако «враг» в ней поменялся: теперь не Османская империя, а Германия «угрожала сербам уничтожением» (Головин, 2001: 292-293). Однако в пропаганде все же шло побуждение российских солдат к защите отдаленных территорий Российской империи в качестве мотивации их на борьбу с «врагом». В походных записях командира казачьего корпуса Ф.И. Елисеева упоминается тот факт, что военный министр Османской империи Энвер-паша поставил цель захватить Закавказье для воплощения идеи «пантюркизма» и объединить мусульман под скипетром султана-халифа (Елисеев, 2001: 53). С небольшими оговорками о том, что мемуарист перепутал идейную составляющую «пантюркизма» с «панисламизмом», можно сказать о сильном влиянии пропаганды на Кавказском фронте и прежде всего идеи «единства славян», пусть и в завуалированной форме. Солдатам, в том числе и казакам, явно их офицеры объясняли, что хочет «враг» и какие у него есть для этого средства, а также поясняли суть вооруженного конфликта. Учитывая особенности Кавказского фронта, стоит отметить значимость проводимой пропагандистской кампании среди собственных войск для поддержания в них «оборонного сознания».

Во многом российская пропаганда отличалась тем, что мотивировала не только защищать «православных сербов», но и призывала повторить подвиг предков. Так, в своих воспоминаниях сотрудник царской ставки М.К. Лемке упоминает о популярности брошюр с историческим контекстом и одну из них приводит в качестве примера проявления идеи «единства славянского народа». В ней идет отсылка к историческому событию «Ледового побоища» 1242 года, и оно подано как противостояние русских и немцев, притом, что именно последних «русские» поразили своей твердостью и несокрушимостью (Лемке, 1989: 401). Для закрепления в массовом сознании самой идеи за счет понятных и узнаваемых образов, а именно «святорусских богатырей» (российских солдат) и «нечестивых тевтонов» (немецких солдат), продвигался антагонизм «мы» – «они» (Оськин, 2010: XIX). Плюс ко всему прочему на плакатах можно было увидеть изображения «черного орла» (Германии) в битве с «двуглавым орлом» (Россией) и «дракона» в схватке с Георгием Победоносцем (Великая европейская война, 2014: 252-253). Опираясь на данные листовок и плакатов, уже можно увидеть тенденцию противопоставлять участвующих в вооруженном конфликте сил и за счет символов показывать «союзников» и «врагов». Данные символы изображались на визуальных агитационных материалах не случайно. Потребность простого народа увидеть знакомые и широко распространенные символы России была удовлетворена типографиями и Русской православной церковью, которые во время войны принимали активное участие в пропаганде, чтобы поддержать «оборонное сознание» людей. Стоит отметить, что влияние РПЦ было велико из-за господства в обществе религиозного сознания и очень близкой связи россиян с ней, так как в церкви люди зачастую искали успокоение.

Идея «единства славян», вписанная в российскую пропаганду и опиравшаяся на тезисы об объединении в военное время россиян с сербами как с «младшими братьями» стала одним из ярчайших сюжетов российской пропаганды. Правда, данная идея развивалась по нисходящей линии до 1917 года, а после событий Февральской революции потеряла свою значимость в общественном сознании, особенно в связи с изменениями в представлениях россиян о «враге». В целом данная идея о сплочении всего населения империи для борьбы с «внешним врагом» и защиты дружественных и единокровных «братьев» от общего «врага» сыграла свою роль в формировании и отстаивании религиозной, региональной и в какой-то степени национальной (этнической) идентичности Российской империи и соседних с ней территорий. За счет данной идеи пропаганда ставила цель донести до широкой аудитории причины вступления государства в вооруженный конфликт и оправдать агрессию по отношению к «врагу всего славянства».

5. Заключение

Изучив все аспекты развития идеи «единства славян» в российской пропаганде во время Первой мировой войны, можно перейти к выводам. Прежде всего следует обратить внимание на

особенности данной идеи, чтобы понять ее специфику и роль в обществе. В качестве первой особенности необходимо отметить связь идейной составляющей пропаганды с идеологией Российской империи, отраженной в теории официальной народности. Триада «Вера, Царь, Отечество» служила своего рода идейным стержнем в процессе поиска ключевых элементов для обозначения «единения народов» России с жителями других территорий, в частности Сербии. Кроме того, данная идея была ориентирована на проведение внешней политики Российской империей в районе черноморских проливов Босфора и Дарданелл. Распространение своего влияния и мотивация на борьбу народов Балканского полуострова против Австро-Венгерского государства и Османской империи были важными направлениями российской внешней политики, в случае успешной реализации которой Россия претендовала бы на проливы и Константинополь (Стамбул).

В качестве другой особенности стоит отметить простоту и понятность идеи «единства славян», несмотря на критику со стороны некоторых офицеров, например А.А. Брусилова. В ней были отражены те ключевые моменты, которые служили мотивирующей составляющей агитационной информации, например обращения к историческим событиям столкновения, грубо говоря, «славянского народа» и «тевтонских варваров». В результате этого «враг» воспринимался как конкретный агрессор, представлявший опасность в том, что шел завоевывать и побуждал к защите. Поэтому за счет данной идеи отчетливо проходила линия между «славянством» и «германизмом». Таким образом, российская пропаганда в рамках дихотомии «мы» – «они» была направлена на формирование в сознании россиян образа Германии, Австро-Венгрии и даже Османской империи как «общих врагов». Однако образ «извечного врага» был приписан Германской империи, хотя в таком образе зачастую воспринималась Османская.

В качестве третьей и важной особенности следует отметить отраженные в идее признаки этнической (национальной) и религиозной идентичности, которые прослеживались в принадлежности к одному народу, проживавшему на определенной территории в историческом прошлом, в завуалированной форме преподносилась информация о принадлежности к одной православной вере и общим традициям, хотя и видоизмененным. Не стоит упускать и территориальную идентичность. Каждый народ, в частности жители России, идентифицировали себя с территориями Киевской Руси и Московским государством, поэтому и призывали «единокровных братьев» встать на защиту собственных территорий от нашествия «вражеских полчищ», прежде всего немецких и австро-венгерских. Здесь важную роль играли образы родины и богатырей, вставших на защиту отечества от «немцев-завоевателей». В этом плане стоит отдать должное Русской православной церкви (РПЦ). Благодаря ее влиянию на агитационную информацию и продвижению образа «богатыря святорусского» с целью воздействия на религиозные чувства населения «идея единства» в принципе имела успех, так как была понятна прежде всего верующим.

Следовательно, идея «единства славян» в российской пропаганде являлась не просто апелляцией к «единству» как к какому-то событийному результату, а имел место призыв, направленный на донесение всему населению страны и жителям других государств основной сути вооруженного конфликта. В качестве главной цели стала защита «земли русской» («земель славянских») от «иноземного завоевателя», отчего и складывался образ «немца-завоевателя». В пропаганде был дан «ответ» стран Антанты (России и Сербии) на «вызов» со стороны Центральных держав. В этом, можно сказать, проявлялась специфика российской пропаганды.

Первая мировая война стала одним из опытов участия России не только в физической войне, но и в информационной. Российская пропаганда во время этой войны за счет собственной идеи «единства славян» оказала влияние на сознание мирных жителей и солдат Российской империи. Внешняя пропаганда имела неоднозначные результаты, особенно на территории Польши. Несмотря на то, что ее результат во многом не был достигнут, а после революционных событий потерял свою значимость, попытка осуществить поставленные цели все равно считается определенным опытом в вооруженном конфликте. Многие просчеты и факторы в проведении пропаганды и продвижении в ней конкретных идей будут учтены уже во время дальнейших событий XX века.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31118.

Литература

Айрапетян, Кабанов, 1964 – Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг. М., 1964. 207 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Асташов, 2012 – Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны / Сост. А.Б. Асташов. М., 2012. 384 с.

Беккер, 2006 – Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война / Пер. с фр. И.В. Меркуловой. М., 2006. 157 с.

Брусилов, 2013 – Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. 288 с.

- Великая европейская война, 2014 – Великая европейская война / Сост. А.В. Трофименко. М., 2014. 288 с.
- Высочайший манифест..., 2002 – Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией // *Мировые войны XX века*. Кн. 2. М., 2002. С. 92-93.
- Высочайший манифест..., 2002 – Высочайший манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Германией // *Мировые войны XX века*. Кн. 2. М., 2002. С. 100-101.
- Гилберт, 2014 – *Гилберт М.* Первая мировая война. М., 2016. 768 с.
- Головин, 2001 – *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.
- Дмитриев, 2002 – *Дмитриев А.Н.* «Война манифестов» // *Мировые войны XX века*. Кн. 1. М., 2002. С. 121-128.
- Дякин, 1968 – *Дякин В.С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // *Первая мировая война*. М., 1968. С. 227-238.
- Лемке, 1989 – *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке // *Первая мировая / Сост. С.Н. Семанова*. М., 1989. С. 388-403.
- Мезиер, 1915 – *Мезиер А.* Что за народ поляки и как живет крестьянская Польша? // *Родник*. 1915. № 1. С. 52-68.
- Миронов, 2014 – *Миронов В.Б.* Первая мировая война. Борьба миров. М., 2014. 304 с.
- Миронов, Сенявская, 2002 – *Сенявская Е.С., Миронов В.В.* Человек на войне: «свой» и «чужие» // *Мировые войны XX века*. Кн. 1. М., 2002. С. 519-537.
- Нотович, 1947 – *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. 2. М.-Л., 1947. 449 с.
- От Высочайшего..., 1914 – От Высочайшего учрежденного Особого Комитета по усилению военного флота // *Русская школа*. 1914. № 8. С. 113-121, 130.
- Палеолог, 2002 – *Палеолог М.* Царская Россия во время Мировой войны // *Мировые войны XX века*. Кн. 2. М., 2002. С. 380-381.
- Сенявская, 2006 – *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция "образа врага" в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.
- Стоун, 2010 – *Стоун Н.* Первая мировая война: краткая история. М., 2010. 219 с.
- Ульянов, 2015 – *Ульянов П.В.* Основные факторы российско-германского взаимодействия в региональной политике 1905–1914 гг. // *Дневник Алтайской школы политических исследований / Под ред. Ю.Г. Чернышова*. № 31. Барнаул, 2015. С. 163-167.
- Ян, 2007 – *Ян Х.* Патриотический Петроград: культурная жизнь и массовые развлечения во время Первой мировой войны // *Опыт мировых войн в истории России*. Челябинск, 2007. С. 387-395.
- Beckett, 2006 – *Beckett I.* The Great War. L., 2007. 813 p.
- Keegan, 2014 – *Keegan J.* The First World War. L., 2014. 500 p.
- Montant, 1990 – *Montant J.-C.* L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre // *Les sociétés européennes et la guerre de 1914-1918*. Paris, 1990. P. 135-143.
- Müller, 2002 – *Müller S.O.* Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2002. 427 p.
- Nye, 2004 – *Nye S.J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

References

- Astashov, 2014 – *Astashov, A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny [Propaganda on the Russian Front during the First World War]. Sost. A.B. Astashov. M., 384 p. [in Russian]
- AVPRI – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Ayrapetyan, Kabanov, 1964 – *Ayrapetyan, M.E., Kabanov, P.F.* (1964). Pervaya mirovaya imperialisticheskaya voyna 1914–1918 gg. [World War I Imperialist 1914-1918]. M., 207 p. [in Russian]
- Beckett, 2006 – *Beckett, I.* (2006). The Great War. L., 813 p.
- Bekker, 2006 – *Bekker, Zh-Zh.* (2006). Pervaya mirovaya voyna [World War I]. Per. s fr. I.V. Merkulovoy. M., 157 p. [in Russian]
- Brusilov, 2013 – *Brusilov, A.A.* (2013). Moi vospominaniya [My memories]. M., 288 p. [in Russian]
- Dmitriyev, 2002 – *Dmitriyev, A.N.* (2002). «Voyna manifestov» ["War of manifestos"]. *Mirovyye voyny XX veka*. Кн. 1. М., pp. 121-128. [in Russian]
- Dyakin, 1968 – *Dyakin, V.S.* (1968). Pervaya mirovaya voyna i meropriyatiya po likvidatsii tak nazyvayemogo nemetskogo zasil'ya [World War I and Measures to Eliminate the so-called German Dominance]. *Pervaya mirovaya voyna*. М., pp. 227-238. [in Russian]
- Gilbert, 2014 – *Gilbert, M.* (2016). Pervaya mirovaya voyna [The First World War]. М., 768 p. [in Russian]
- Golovin, 2001 – *Golovin, N.N.* (2001). Voyennyye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Military Efforts of Russia in the World War]. М., 440 p. [in Russian]

- Keegan, 2014 – Keegan, J. (2014). The First World War. L., 500 p.
- Lemke, 1989 – Lemke, M.K. (1989). 250 dney v tsarskoy stavke [250 days at the royal headquarters]. *Pervaya mirovaya*. Sost. S.N. Semanova. M., pp. 388-403. [in Russian]
- Meziyer, 1915 – Meziyer, A. (1915). Chto za narod polyaki i kak zhivet krest'yanskaya Pol'sha? [What Kind of People are Poles and how Does Peasant Poland Live?]. *Rodnik*. 1: 52-68. [in Russian]
- Mironov, 2014 – Mironov, V.B. (2014). Pervaya mirovaya voyna. Bor'ba mirov [World War I. Struggle of the Worlds]. M., 304 p. [in Russian]
- Montant, 1990 – Montant, J.-C. (1990). L'organisation centrale des services d'informations et de propagande du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre [The central organization of the information and propaganda services of the Quai d'Orsay during the Great War]. *Les societes europeennes et la guerre de 1914-1918*. Paris, 1990. P. 135-143. [in French]
- Müller, 2002 – Müller, S.O. (2002). Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg [The nation as a weapon and concept: Nationalism in Germany and Great Britain in the First World War]. Göttingen, 427 p. [in German]
- Notovich, 1947 – Notovich, F.I. (1947). Diplomaticheskaya bor'ba v gody Pervoy mirovoy voyny [Diplomatic Struggle during the First World War]. T. 2. M.–L., 449 p. [in Russian]
- Nye, 2004 – Nye, S.J. (2004). Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 192 p.
- Ot Vysochayshego..., 1914 – Ot Vysochayshego uchrezhdenного Osobogo Komiteta po usileniyu voyennogo flota [From the Imperial Established Special Committee for Strengthening the Navy]. *Russkaya shkola*. 8: 113-121, 130. [in Russian]
- Paleolog, 2002 – Paleolog, M. (2002). Tsarskaya Rossiya vo vremya Mirovoy voyny [Tsarist Russia during the World War]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. M., pp. 380-381. [in Russian]
- RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Senyavskaya, 2006 – Senyavskaya, Ye.S. (2006). Protivniki Rossii v voynakh KHKH veka. Evolyutsiya "obraza vruga" v soznanii armii i obshchestva [Russia's Opponents in the Wars of the Twentieth Century. Evolution of the "Image of the Enemy" in the Minds of the Army and Society]. M., 288 p. [in Russian]
- Senyavskaya, Mironov, 2002 – Senyavskaya, Ye.S., Mironov, V.V. (2002). Chelovek na voyne: «svoi» i «chuzhiye» (Man in War: "Ours" and "Foes"). *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 1. M., pp. 519-537. [in Russian]
- Stoun, 2010 – Stoun, N. (2010). Pervaya mirovaya voyna: kratkaya istoriya (The First World War: A Brief History). M., 219 p. [in Russian]
- Ulyanov, 2015 – Ulyanov, P.V. (2015). Osnovnyye faktory rossiysko-germanskogo vzaimodeystviya v regional'noy politike 1905–1914 gg. (The Main Factors of Russian-German Interaction in the Regional Policy of 1905-1914). *Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. Pod red. YU.G. Chernyshova. Nr 31, Barnaul, pp. 163-167. [in Russian]
- Velikaya yevropeyskaya voyna, 2014 – Velikaya yevropeyskaya voyna [The Great European War]. Sost. A.V. Trofimenko. M., 2014. 288 p. [in Russian]
- Vysochayshiy manifest..., 2002 – Vysochayshiy manifest ot 20 iyulya 1914 g. ob ob'yavlenii sostoyaniya voyny Rossii s Avstro-Vengriyey [The Highest Manifesto of July 20, 1914 Declaring a State of War between Russia and Austria-Hungary]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. M., pp. 92-93. [in Russian]
- Vysochayshiy manifest..., 2002 – Vysochayshiy manifest ot 20 iyulya 1914 g. ob ob'yavlenii sostoyaniya voyny Rossii s Germaniyey [The Highest Manifesto of July 20, 1914 on the Declaration of a State of War between Russia and Germany]. *Mirovyeye voyny XX veka*. Kn. 2. M., pp. 100-101. [in Russian]
- Yan, 2007 – Yan, Kh. (2007). Patrioticheskiy Petrograd: kul'turnaya zhizn' i massovyeye razvlecheniya vo vremya Pervoy mirovoy voyny [Patriotic Petrograd: Cultural Life and Mass Entertainment during the First World War]. *Opyt Rossii v mirovykh voynakh*. Chelyabinsk, pp. 387-395. [in Russian]
- Yeliseyev, 2001 – Yeliseyev, F.I. (2001). Kazaki na Kavkazskom fronte. 1914-1917: Zapiski polkovnika Kubanskogo kazach'yego voyska v trinadtsati broshyurakh-tetradnykh [Cossacks on the Caucasian Front. 1914-1917: Notes of the Colonel of the Kuban Cossack Host in Thirteen Booklet-notebooks]. M., 292 p. [in Russian]

Идея «единства славян» в российской пропаганде во время Первой мировой войны

Павел Владимирович Ульянов^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Идея в пропаганде занимает важное место и зачастую является основной составляющей информационного содержания централизованной и массовой пропаганды для

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: imperialnext@mail.ru (П.В. Ульянов)

привлечения внимания любой аудитории. В период Первой мировой войны во многих странах-участницах вооруженного конфликта пропаганда опиралась на конкретную идею, постулаты которой выполняли функцию управления в формировании оценки и отношения широкой аудитории к «союзнику» и «врагу», а также в отождествлении собственной роли в жизни страны и деятельности правителя или руководителя, стремящихся защитить общественные и отстаивать государственные интересы, направленные на достижение понимания их широкими массами. Наряду с идеями «содружества наций» в Великобритании и «священного единения» во Франции, идея «единства славян» в России служила не только мотивацией, но и отражала элементы объединения всех жителей страны (России) с народами, проживавшими в соседних государствах (например сербами). Исследователи отмечают в своих работах важную роль идеологии в объединении людей перед «внешней угрозой», но не обращают внимания на специфику содержания идеи «единства славян» в процессе формирования «образа врага» по отношению к правителю, государству и народу «страны-противника». В связи с этим автор ставит цель рассмотреть идею «единства славян» в российской пропаганде, чтобы выделить ее особенности. Поскольку люди одновременно живут и в символическом, и в реальном мире, где каждый человек реагирует на восприятие информации, а не на реальность, то автор стремится дать ответ на вопрос о роли данной идеи в мотивации населения на борьбу с «врагом». В результате исследования можно сделать вывод, что идея «единства славян» в российской пропаганде должна была мотивировать россиян на борьбу с «внешней агрессией» и выполняла функцию определителя «вражеского объекта», а также она обособляла все «славянское» от всего «немецкого» и даже «турецкого» во время вооруженного конфликта.

Ключевые слова: идея «единства славян», идеология в Российской империи, пропаганда, пропаганда «образа врага», пропаганда в Российской империи, пропаганда в период Первой мировой войны, Первая мировая война.